

Поединок

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. М.: Худ. литература, 1971. С. 7 -- 218.

I

Вечерние занятия в шестой роте приходили к концу, и младшие офицеры все чаще и нетерпеливее поглядывали на часы. Изучался практически устав гарнизонной службы. По всему плацу солдаты стояли вразброс: около тополей, окаймлявших шоссе, около гимнастических машин, возле дверей ротной школы, у прицельных станков. Все это были воображаемые посты, как, например, пост у порохового погреба, у знамени, в караульном доме, у денежного ящика. Между ними ходили разводящие и ставили часовых; производилась смена караулов; унтер-офицеры проверяли посты и испытывали познания своих солдат, стараясь то хитростью выманить у часового его винтовку, то заставить его сойти с места, то всучить ему на сохранение какую-нибудь вещь, большею частью собственную фуражку. Старослуживые, тверже знавшие эту игрушечную казуистику, отвечали в таких случаях преувеличенно суровым тоном: "Отходи! Не имею полного права никому отдавать ружье, кроме как получу приказание от самого государя императора". Но молодые путались. Они еще не умели отделить шутки, примера от настоящих требований службы и впадали то в одну, то в другую крайность.

- Хлебников! Дьявол косорукой! - кричал маленький, круглый и шустрый ефрейтор Шаповаленко, и в голосе его слышалось начальственное страдание. Я ж тебя учил-учил, дурня! Ты же чье сейчас приказанье сполнил? Арестованного? А, чтоб тебя!.. Отвечай, для чего ты поставлен на пост?

В третьем взводе произошло серьезное замешательство. Молодой солдат Мухамеджинов, татарин, едва понимавший и говоривший по-русски, окончательно был сбит с толку подвохами своего начальства - и настоящего и воображаемого. Он вдруг рассвирепел, взял ружье на руку и на все убеждения и приказания отвечал одним решительным словом:

- 3-заколу!

- Да постой... да дурак ты... - уговаривал его унтер-офицер Бобылев. Ведь я кто? Я же твой караульный начальник, стало быть...

- Заколу! - кричал татарин испуганно и злобно и с глазами, налившимися кровью, нервно совал штыком во всякого, кто к нему приближался. Вокруг него собралась кучка солдат, обрадовавшихся смешному приключению и минутному роздыху в надоевшем ученье.

Ротный командир, капитан Слива, пошел разбирать дело. Пока он плелся вялой походкой, сгорбившись и волоча ноги, на другой конец плаца, младшие офицеры сошлись вместе поболтать и покурить. Их было трое: поручик Веткин - лысый, усатый человек лет тридцати трех, весельчак, говорун, певун и пьяница, подпоручик Ромашов, служивший всего второй год в полку, и подпрапорщик Лбов, живой стройный мальчишка с лукаво-ласково-глупыми глазами и с вечной улыбкой на толстых наивных губах, - весь точно начиненный старыми офицерскими анекдотами.

- Свинство, - сказал Веткин, взглянув на свои мельхиоровые часы и сердито щелкнув крышкой. - Какого черта он держит до сих пор роту? Эфиоп!

- А вы бы ему это объяснили, Павел Павлыч, - посоветовал с хитрым лицом Лбов.

- Черта с два. Подите, объясняйте сами. Главное - что? Главное - ведь это все напрасно. Всегда они перед смотрами горячку порют. И всегда переборщат. Задержают солдата, замучат, затуркают, а на смотре он будет стоять, как пень. Знаете известный случай, как два ротных командира поспорили, чей солдат больше съест хлеба? Выбрали они оба жесточайших обжор. Пари было большое - что-то около ста рублей. Вот один солдат съел семь фунтов и отвалился, больше не может. Ротный сейчас на фельдфебеля: "Ты что же, такой, разэтакий, подвел меня?" А фельдфебель только глазами лупает: "Так что не могу знать, вашескорodie, что с ним случилось. Утром делали репетицию - восемь фунтов стрескал в один присест..." Так вот и наши... Репетят без толку, а на смотре сядут в калошу.

- Вчера... - Лбов вдруг прыснул от смеха. - Вчера, уж во всех ротах кончили занятия, я иду на квартиру, часов уже восемь, пожалуй, темно совсем. Смотрю, в одиннадцатой роте сигналы учат. Хором.